

МОЖЕТ ЛИ
БЫТЬ ДВЕ
ПРАВДЫ?

МАРИЯ
ЛАБЫЧ

СУКА

Москва
2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
Л12

Оформление серии *А. Дурасова*

Лабыч, Мария Георгиевна.

Л12 Сука : [роман] / Мария Лабыч. – Москва : Издательство «Э», 2018. – 256 с.

ISBN 978-5-04-094047-9

«Сука» в названии означает в первую очередь самку собаки — существо, которое выросло в будке и отлично умеет хранить верность и рвать врага зубами. Но сука – и девушка Дана, солдат армии Страны, которая участвует в отвратительной гражданской войне, и сама эта война, и эта страна... Книга Марии Лабыч — не только о ненависти, но и о том, как важно оставаться человеком.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-04-094047-9

© Лабыч М., 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Э», 2018

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Это война. У войны много лиц. Лицо победителя. Лицо побежденного. Лицо ребенка, у которого больше нет матери. Лицо ребенка, у которого не будет нового вдоха. Это война, которая идет прямо сейчас.

Стандартной фразы: «Все события вымышлены, все совпадения случайны» не будет.

У целого ряда упомянутых здесь событий есть живые свидетели. Вымысел присутствует исключительно для того, чтобы коктейль не отравил гостей раньше, чем те доберутся до дна стакана.

Впрочем, многие авторы использованных здесь материалов действительно теперь мертвы. Большая часть их информации не оказалась пригодной для публикаций в официальных СМИ — она не должна исчезнуть бесследно. Позиция официальной прессы здесь не имеет никакого значения.

...Пока я лежал, мне все казалось, что вокруг меня красные собаки бегали...

И.С. Тургенев

1

Я собака. Никто из людей не верит мне.

Людам сложно видеть человека и не доверять очевидному. В этом отношении они слишком просто устроены. А еще существует нюх. Чутье. Интуиция. И есть еще суть, которая не всегда имеет внешнюю часть.

Я родилась на востоке страны около 2011 года. Выходит, что по необъяснимой причине три года я не помню. Но зимой 2014-го я была собакой.

Моя мать, крупная рыжая сука, принадлежала людям. Я их уже не застала. Они погибли от рук сограждан при бомбежке жилых кварталов по решению правительства их страны.

Мать очень страдала. Я помню, как часто она бегала выть на дом. Дома, как такового, уже не было, но мусор пах людьми. Она учила меня бояться снарядов, но сама выбегала под огнем, когда уже не могла терпеть тоску. Потом возвращалась, скулила и вылизывала меня до ссадин

на коже. Я кусала ее, и она оставляла меня в покое ненадолго.

У нас была теплая конура. Если не считать горя моей матери, которое не кончилось до самой ее смерти, мы были счастливы. Воды, корней и крыс хватало. Мать я помню лучше всех.

Порой из дома она таскала странные вещи, в которых не было смысла. Несъедобные цветные шары из резины, гремучий пластмассовый колокольчик. Очень злилась, когда я не брала. А когда я, чтоб ей угодить, съела шарик из колокольчика, чуть не оторвала мне ухо. Меня рвало. До сих пор я видеть не могу детские игрушки. Они напоминают мне об опасности и смерти.

Потом мать убило неподалеку от дома. Я услышала сразу. Сто раз до этого я слышала этот горячий свист, а потом грохот и дождевой стук осколков. Но в тот день сразу после них я услышала самую страшную тишину. В ней не билось ее сердце. Я лаяла изо всех сил, а она молчала. Она не разрешала покидать конуру без спроса, и я была послушна целых два дня. Потом пошла ее искать, и меня поймали.

Я дралась так, как последний раз в жизни. Моя мать была самой сильной и смелой. Такое дано не всем. Я была смелой, но очень слабой. Меня загнали в клетку и забрали в больницу. Там я перестала быть смелой.

Те, кто ловил меня, были зелеными и сами пахли железом и дымом снарядов. Это казалось

очень страшным и придавало мне сил и изворотливости. Те, кто принял меня после поимки, были белыми, даже когда снимали халат. Они были страшными на самом деле. Они сделали так, что я перестала сопротивляться.

Невозможно, чтобы я и они были одной крови.

Мучительно нелюди учиться быть человеком. Но человек не знает жалости. Они извратили меня так, что иногда теперь я сомневаюсь, кто я есть. Иногда. Редко.

Они делали меня себе подобной, обучая тысячам пустых вещей. Им нет объяснения в границах логики. Не быть голой. Глотать, подняв голову от пола. Пить через край. Двунюкости. Идти, а не бежать. Не чесаться. Стыду естественных отравлений. Языку.

Когда я поняла, что хватит, и перестала есть, от голода меня посетил открытие. Пускай я еще помучаюсь. Но я освою их язык настолько, чтобы сказать четыре слова.

Я — собака. Отпустите меня.

Дрессированная собака их тоже не устроила. Я уже владела тысячей слов и свободно читала короткие книги, но по-прежнему не могла донести свою мысль. Не я, они объясняли мне, кто я есть и что со мной происходит. И пока их самих не устроит объяснение, меня не отпустят.

Я живу уже очень, очень давно. Мне пятнадцать, потом шестнадцать... Если б это было дано моей матери!

Я все записываю. Пишу, потому что должна. Это требовалось для терапии, так им проще было следить, насколько я отклоняюсь. Я подчинилась. Отступила на шаг, чтоб отыграть два в реванше. Но детство прошло, и мой заученный урок теперь не нужен. Никто меня не читает. А я пишу и не способна это прекратить. Без бумаги я, верно, перестану дышать, захлебнувшись словами. Это — как долгий бег. И сил нет, но стоит сбавить шаг — и боль пронизжет изнутри. Если враг — ты и есть, то пощады не будет.

С недавних пор я перестала сопротивляться и делаю то, что мне говорят. Дело в том, что если я все сделаю верно и меня признают неопасной, я смогу уйти. Осталось немного.

Мне страшно. Там задают вопросы...

I

Стояла серая зима, и осклизлая оттепель то лила на голову дождем, то ложилась кашей под ногами. Сырой холод — лютый. И бесконечное тряпье снегов, луж и грязи, как гнилое солдатское одеяло, кругом.

Ожидание изматывало. Быстреей бы!

Но вот и февраль года нового — две тысячи фартового. Активная фаза боевой антитеррористической операции была в разгаре. Наши войска уверенно продвигались в глубь территорий, еще подконтрольных повстанцам, отвоевывая метр за метром, «отжимая» пядь за пядью этой, кровью удобренной, зачумленной идеей автономии, земли. Скорость, с которой мы вытесняли противника с насиженных мест, позволяла предполагать самое скорое и сокрушительное его поражение. Еще недавно так называемые *их* села, *их* города и *их* деревни обрели законное руководство, адекватное политике государства, и вооруженную поддержку на случай возможных беспорядков.

На стороне новой законной власти были численное превосходство и высокий моральный дух бойцов от рядового до командира. Наше дело правое. Сила в единстве. Те головы, что повернуты на Восток, рвут Родину надвое, низводя ее до уровня стран третьего мира. Так нам не встать с колен. И этим гражданам придется повернуться лицом к своему народу, или они скоро и беспощадно будут уничтожены, как раковая опухоль на теле страны.

Пробил час, пришел и наш черед. В составе трех взводов мы должны усилить боевые части, несмотря на успехи нашей армии, понесшей серьезные потери за время активных боевых

действий. На место нас отправили после захода солнца в двух крытых грузовиках. Водители дело знали: последние полчаса пути небольшая наша колонна шла под шестьдесят, не зажигая фар. На гладких участках дороги из-под брезента можно было рассмотреть едва определимую во тьме линию горизонта: верх чуть светлее низа. Казалось, что по обеим сторонам трассы вспаханное поле. За бортом, едва видна, мелькала битая разметка; ни обочины, ни замыкающей машины отчетливо не разглядеть. Дорогу пятнали воронки от снарядов, разворотивших полотно в пяти-шести местах. Там нас неслабо помотало.

Наконец машины встали, лязгнули борта, бойцы посыпались наружу. С лихой дороги чуть мутило.

— Стройся!

В стороне от временного шлагбаума мы выстроились кое-как, в три ряда, всего полсотни в трех взводах.

В безлунном небе проступили мутноватые редкие звезды. Света их хватило, чтобы оглядеться. За полотном дороги легла кустистая опушка, опутанная молодым ивняком. Под ботинками криво вминалась прошлогодняя трава. Вдали подковой вставал черный лес.

Невысокий сутуловатый человек бесшумно вытек из темени и встал перед строем.

— Ну, все? Добро пожаловать в задницу, — так приветствовал нас начальник блокпоста.

Его лицо рассекал надвое отсвет фонаря, проникавший сквозь щель палатки. Единственный источник света здесь, он казался таким ярким, что мог бы воспламенять предметы. В его огне горела нашивка капитана и правый его глаз.

Обращение меня удивило. Своеобразная манера изъясняться отличала многих командиров. И все же... Капитан не казался сломленным, скорее, наоборот. Он имел вид человека, прямо сейчас бьющегося насмерть. Здесь, где никто давно не стреляет. Его мучила одышка. Голос хрипел прокуренной многодневной простудой. Неспкойные глаза выдавали раскол между долгом и совестью. Взглядом он хмуро пробежал лица, выхватил меня из строя, и освещенную половину его лица пронизал безобразный нервный тик.

— Та-а-к. Слушать сюда. Вы входите в котел. Точнее, в кишку, где по одну руку неприятель, а по другую — граница враждебной сопредельной стороны. Что бы вам ни говорили в ваших яслях, горлышко узко. Оно сомкнется. Неясно, сколько дней неприятель даст вам на выполнение поставленной задачи. Ваш основной противник — время. Его в обрез.

Он помолчал минуту. Так, будто хотел внушить что-то без слов, но не сумел. Вместо того откашлялся и гаркнул хриплым сорванным горлом:

— Баб не брать! Начвзводы ко мне. Бойцам отдыхать полчаса. Курите.

Мы разошлись. Ребята взглядывали на меня с недоуменным вниманием. Я отошла чуть дальше: мнение мое сейчас ничего не решало.

Ожидание длиной в две сигареты.

— Взвод, стройся!

Мы подтянулись тремя группами, каждая к своему взводному командиру.

— Рядовой Бойко. Выйти из строя, — приказал лейтенант Ушаков.

Я сделала шаг вперед.

— Приказом начальника блокпоста вам предписано вернуться в расположение части. Исполнять немедленно. Пока грузовики не отъехали, — тревожно добавил он.

Ближе к дороге виднелись наши машины, там спешно заканчивали выгрузку провизии и боекомплектов.

— Это против приказа начальника училища... — Я сделала попытку.

Ушаков прервал меня с досадой. Он знал меня, во время обучения я была на неплохом счету.

— Разговоры. Бегом!

— Разрешите обратиться? — Я не двинулась с места.

— Бойко, вам не ясен приказ?

— Ясен.

— Исполняйте.

— Я доброволец. По зову совести и государства. Разрешите стать в строй?

Я перешла границы допустимой назойливости. Начвзвода больше не смотрел на меня. Он на миг сощурился в сторону палатки капитана, обвешанной синтетической тиной в цвет леса. Капитану и вовсе было не до нас: прибыла новая партия пополнения, и он теперь для них обрисовывал настоящее положение дел. Так же надвое резал его лицо жесткий свет. Если капитан так мрачнел с каждым вновь прибывшим взводом, то к утру по всему должен был застрелиться.

— Взвод, нале-во! — скомандовал Ушаков. — Шагом...

Взвод двинулся. Я не стала настаивать на приглашении и самовольно замкнула строй.

По замыслу командования нас отправляли порознь малыми группами не выше трех расчетов. Сквозь лес мы двигались неплотным строем, не спешили. По данным передового командного пункта, эта территория была подконтрольна нам полностью. Но нельзя исключать провокации. Чего стоит хорошо подготовленной паре умельцев поставить на тропе растяжку? Среди местных немало «сочувствующих». Впрочем, основная часть сил вооруженных повстанцев — в десятках километров отсюда. О чем толковал капитан, заявляя, что неприятель близко? По нашим сведениям, слухи о попытках окружения — досужие домыслы паникеров. А понятия типа «котел», «кишка» или тому подобное и вовсе запрещены к употреблению под угрозой ареста.

Шли легко. Ветер снес облака, вскрылся месяц. В зыбком свете искусственная лесопосадка зияла проплешинами. С подветренной стороны несло болотом. Ясным запахом мертвой илистой гнили, на время убитой морозом. По расчетам, три часа пути — и мы выходим к селу Песково, в расположение шестнадцатой артиллерийской батареи, которую должны пополнить. Рассвет через четыре с половиной часа, то есть выходим засветло.

Звуки зимнего леса были мертвы. Всхлипы грязи под ногами или щелчки обломанных ветвей. Где-то шел бой. Издали едва доносился звук залпового огня. Работала артиллерия. На таком удалении ее реальная мощь казалась неубедительной, и скоро я вовсе перестала о ней думать.

Шаг за шагом вперед. Пустота и заброшенность на многие километры.

Обилие новых запахов кругом будоражило меня. Воздух разбился на тонкие трепещущие ленты. Там мох сырой. Тут дерево упало. Недалеко пучок травы, да такой горькой, что я сплюнула под ноги. Чуть дальше нора, в ней туша зверя... старая, с осени...

За очередным перелеском внезапно встала гигантская мачта линии электропередачи. Не сговариваясь, мы задрали головы. Сверху, с перечеркнутого проводами неба, на нас смотрели две крупные птицы, сидевшие на проводе вплот-